

Весь мир наслышан о героической обороне Дома Павлова в центре Сталинграда, который немцы называли «крепостью русских фанатиков». Не мудрено. Целых 58 суток гитлеровцы пытались взять штурмом это четырехэтажное здание на нейтральной полосе, но так и не смогли сломить мужество и стойкость его немногочисленных защитников. При этом вермахт потерял убитыми и ранеными здесь гораздо больше своих солдат и офицеров, чем при захвате всей Франции. Это общеизвестные факты. Однако мало кто знает, что дом Павлова имеет не только ратную славу. Речь идет о том, что в его стенах в самый разгар боев произошло событие поистине удивительное, которое защитники «крепости» расценили как настоящее чудо. Впрочем, расскажем обо всем по порядку.

РЫТЬЮ МОГИЛЫ ПОМЕШАЛА ИКОНКА

Когда самолеты Люфтваффе превратили в груды развалин многоквартирный дом, в котором жила семья плавильщика металлургического завода «Красный Октябрь» Петра Селезнева, главы семейства уже не было в живых. Он погиб в уличных боях народного ополчения с немцами. Его жена Евдокия, находясь на последних неделях беременности, какое-то время

Зинаида Селезнева у стены Дома Павлова

ла дифтерией, как диагностировал военврач, который при всем своем желании ничем не мог помочь своей маленькой пациентке из-за скудости имевшихся в его распоряжении лекарственных средств.

Малышка день ото дня угасала на глазах выплакавшей все слезы матери. Болезнь так быстро прогрессировала, что в перерывах между атаками немцев один из защитников дома Павлова решил заранее выкопать могилку ребенку, чтобы облегчить моральные муки матери при захоронении дочери. На глубине в 30 сантиметров его саперная лопатка наткнулась на что-то металлическое. Очистил боец находку от грязи и остолбенел. В руках у него оказалась маленькая металлическая иконка с изображением Богородицы и младенца Иисуса Христа, на обратной стороне которой что-то было написано старославянской вязью. Перекрестился солдат (по рассказам многих защитников Сталинграда, на переднем крае неверующих практически не было. — В.Ж.), сразу же заровнял выкопанную им ямку, а найденную иконку отдал матери умирающей девочки, назвали которую Зиночкой.

— Возьми, Евдокия! И проси, истово проси Пресвятую Богородицу не отбирать у тебя дочурку...

То ли молитвы отчаявшейся вконец молодой женщины были и вправду кем-то услышаны или по какой другой причине, но чудо явилось. Зиночка пошла на поправку. И видя это, с еще большим упорством и мужеством отбивали атаки ненавистного врага защитники дома Павлова вплоть до 19 ноября 1942 года, когда немцы полностью отказались от попыток штурмом овладеть «крепостью русских фанатиков». Не мудрено. В этот день перед гитлеровскими захватчиками внезап-

укрывалась от бомб в наспех вырытой землянке, пока не решилась на отчаянный шаг: бежать к своим родственникам в центр Сталинграда под разрывами снарядов и мин, чтобы не оставаться одной в горящем городе. Ей несказанно повезло. Она благополучно добралась до четырехэтажного дома под номером 61 по улице Пензенской на площади 9-го Января (ныне площадь Ленина), где дворниками работали ее родители. В их распоряжении здесь была небольшая служебная квартирка цокольного этажа.

Вторично ей крупно повезло в том, что среди двух с лишним десятков бойцов, оборонявших дом, оказался опытный военврач Николай Комелев. В нужное время он весьма квалифицированно принял роды у неожиданной «гости» и самолично завернул новорожденную жительницу Сталинграда в самую чистую солдатскую портянку. И хотя заботливая мать делала все возможное для своей дочурки в крайне суровых бытовых условиях осажденного здания, состояние здоровья младенца оставляло желать лучшего. Дело в том, что вскоре после рождения девочка заболела

но возникла куда как более серьезная проблема, чем огрызающийся огнем полуразрушенный четырехэтажный дом на нейтральной полосе. Речь идет о том, что в этот день началась стратегическая наступательная операция «Уран» и войска Юго-Западного и Донского фронтов нанесли сильнейший удар по флангам группировки противника, занимаемых румынскими и итальянскими войсками. 23 ноября дивизии прорыва соединятся друг с другом в районе города Калач-на-Дону, замкнув в кольцо окружения 330 тысяч солдат и офицеров шестой полевой армии Паулюса.

А на следующий день начнется общее контрнаступление по городу и защитники «крепости» также пойдут в атаку на врага в составе своего родного 3-го батальона 42-го полка 13-й гвардейской дивизии под командованием генерала Александра Родимцева. Таким образом, в обжитом подвале дома Павлова останутся только несколько мирных жителей. В их числе — Евдокия Селезнева со своей грудной дочуркой Зиной, которым было просто некуда идти в разбомбленном до основания городе. Покидая родные стены, бойцы трогательно простились со своими гражданскими «соседями», взяв слово с матери «дважды рожденной девочки» обязательно встретиться с ними после войны. Забегая вперед, скажу, что не всем защитникам дома Павлова будет суждено дожить до радостного дня Победы: иные из них погибнут именно в этих ожесточенных уличных боях конца ноября.

Впрочем, о генерале Родимцеве и о бойцах его легендарной дивизии, вписавших свой подвиг поистине золотыми буквами в историю обороны Сталинграда, следует упомянуть особо. В свое время старший лейтенант Родимцев под псевдонимом «капитан Павлито» отважно, смело и умело воевал в Испании, за что был награжден двумя орденами Красного Знамени. А в сентябре 1937 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза «за образцовое выполнение правительственного задания». Какого именно, можно только догадываться, в открытой прессе никакой информации на этот счет нет. Все это говорит о том, что боевого опыта генералу Родимцеву к моменту его появления на берегах Волги было не занимать. Надо сказать, что под стать своему командиру была и 13-я гвардейская дивизия, сформированная из десяти тысяч прекрасно подготовленных, хорошо вооруженных и отчаянных бойцов бывшего третьего воздушно-десантного корпуса, представлявших собой элиту вооруженных сил Страны Советов. Их переправили на правый берег Волги в наиболее критический момент боев за Сталинград — в один из сентябрьских дней 1942 года.

Ситуация для обороняющихся советских войск тогда была так плоха, что командующий 6-й армией Паулюс уже докладывал фюреру о предстоящем захвате города — до Волги оставалось всего каких-то 200–300 метров. Вряд ли обычная стрелковая дивизия могла бы хоть что-то изменить в сложившейся обстановке на поле боя под ураганным огнем фашистов. Но десантники Родимцева воевали не числом, а умением и отчаянным бесстрашием. И это сразу же ощутили на себе рвущиеся к Волге за наградами и славой отборные части вермахта, когда к великому изумлению «покорителей мира» вновь прибывшая часть русских в первый же день отбросила их на несколько сотен метров дальше от берега великой русской реки.

Впрочем, красноречивей всего о героизме и умении воевать солдат Родимцева с превосходящими силами противника говорят цифры. А они таковы. За время боев в Сталинграде 13-я гвардейская уничтожила свыше 15 тысяч гитлеровцев, подбила более 100 танков(!), взяла в плен несколько тысяч немцев, потеряв при этом половину своих бойцов. И вот здесь на чашу весов защитников Сталинграда, объективности ради и по справедливости, следует положить самое главное, что сделали бойцы дивизии. Скажу об этом словами маршала Василия Чуйкова, который оценил боевые действия 13-й гвардейской дивизии чрезвычайно высоко:

«Дрались с невиданным упорством. Прямо скажу, если бы не дивизия Родимцева, то город оказался бы полностью в руках противника еще в сентябре».

Вот он ключ к пониманию нравственной высоты великого подвига гвардейцев-десантников, каждый из которых отчетливо осознавал, что, поднимаясь на бой, он идет на верную смерть. Говоря другими словами, в те дни судьба Сталинграда, а стало быть, и СССР, и многих других государств мира висела на волоске. Ведь, как известно, падение Сталинграда было непременным условием вступления в войну против СССР и милитаристской Японии, и соседней с нами профашистской Турции, поддерживающей устремления Гитлера на захват новых территорий. Выдержали бы мы в этом случае войну на три фронта?! Однозначного ответа на этот вопрос до сегодняшнего дня не дал ни один из военных экспертов.

ПОСРЕДИ НЕБЫВАЛОЙ ВОЙНЫ...

Не буду лукавить, семнадцать лет после войны никто не вспоминал о рожденной среди огненного ада малышке. Наверное, любопытная биографическая подробность ее опаленного войной детства так и осталась бы тайной за семью печатями для общественности города, страны и мира, если бы не разыскал ее в мирное время один из защитников дома Павлова. Речь идет о лейтенанте Иване Афанасьеве, взвод которого был послан для усиления разведывательно-штурмовой группы сержанта Якова Павлова из четырех солдат, сумевшей захватить важный опорный пункт на нейтральной полосе и трое суток самостоятельно удерживавшей его от наседавших фашистов. Впоследствии Иван Филиппович в боях с фашистами полностью теряет зрение и после войны возвращается в Сталинград, где будет трудиться в городском обществе слепых. Долгое время он будет пытаться найти женщину, которая в дни Сталинградской битвы укрывалась вместе со своим грудным ребенком в доме, обороной которого он руководил почти два месяца, по несколько раз в день отбивая атаки немецких штурмовых групп, усиленных танками.

Помог случай, благодаря которому Афанасьев с помощью своего зрячего сына нашел-таки и мать-роженицу, и ее ставшую уже совсем взрослой дочь, которые к тому времени жили в центре города в квартире с подселением большого девятиэтажного дома по улице Аллея Героев. А после того как местный гений офтальмологии, заведующий кафедрой глазных болезнейней Сталинградского мединститута Андрей Михайлович Водозовов частично, процентов на тридцать, вернул зрение командиру гарнизона легендарного дома, на встречи однополчан Афанасьев стал брать с собой Зину. На все протесты девушки типа «Ну кому я там буду интересна, Иван Филиппович?» отвечал коротко, по-фронтальному:

— Нет, Зиночка, пока я жив, будешь со мной кругом ходить! Одной ведь судьбой повязаны...

Вскоре о Селезневой-младшей заговорили в местной прессе. А девушка к тому времени уже окончила школу, машиностроительный техникум, поступила работать конструктором на Волгоградский завод тракторных деталей и нормалей, на котором много лет работала ее мать Евдокия Григорьевна. В 1967 году город переименовали в Волгоград и лучшую «комсомолку, активистку, спортсменку и просто красавицу», к тому же имеющую каллиграфически ровный почерк, заводской комитет комсомола направил в Центральный райком ВЛКСМ на выписку новых комсомольских билетов. Общительность и организаторские способности новенькой были оценены по достоинству молодежным начальством, и вскоре Зине предложили должность заведующей сектором учета в райкоме, на которую она согласилась.

Именно в этот период времени к ней неожиданно нагрянули корреспонденты из солидного журнала ГДР «Свободный мир». Несколько дней и вечеров донимали они девушку своими расспросами, фотографируя в разных ракурсах и ее, и ос-

тавших в живых защитников дома Павлова, и достопримечательности знаменитого на весь мир «города-ратника на берегу войны». В результате кропотливой и напряженной работы немецкой творческой группы в скором времени в свет вышел огромный размеров (на половину журнала. — В.Ж.), прекрасно иллюстрированный очерк «Ребенок в огне», где были изложены подробности появления на белый свет в «крепости в центре Сталинграда» маленькой русской девочки. Говорят, в Восточной Германии документально-художественный материал из Сталинграда был очень тепло принят читателями, а его авторов — фотокорреспондента и журналиста лично принял и поблагодарил генеральный секретарь Социалистической единой партии Германии Эрих Хоннекер за «создание высокохудожественного публицистического материала на антивоенную тему».

Надо полагать, что лавры немецких журналистов заставили зашевелиться и их московских коллег. Сужу об этом по такому факту. Вскоре после «Ребенка в огне» уже в советской прессе стали появляться материалы, в которых рассказывалось об «обыкновенно-необыкновенной советской девушке Зине Селезневой». В частности, в очень популярном тогда всесоюзном журнале «Кругозор» известный бард советской поры Юрий Визбор в соавторстве с одним из журналистов опубликовал очерковую зарисовку о мужестве и стойкости десантников лейтенанта Афанасьева при обороне дома Павлова, упомянув при этом о грудной девочке Зиночке, которая одним своим существованием вдохновляла бойцов стоять насмерть.

И все же самую большую известность героине этого материала принесла поэма таджикского поэта Мумина Каноата «Голоса Сталинграда» в переводе Роберта Рождественского, напечатанная на страницах молодежного журнала «Юность» огромным тиражом и принесшая ее автору Государственную премию СССР — высшую награду страны за творчество. В одной из глав этой поэмы, устами бойца-таджика Ахмада Турдиева (прототипа реального защитника дома Павлова броневой бойца таджика Мабулата Турдыева. — В.Ж.) проникновенно-трогательными словами рассказывалось о рожденной среди огненного ада малышке по имени Зиночка, утверждая, что во многом, благодаря ей, отстояли советские солдаты легендарный дом:

...Посреди небывалой войны нынче девочка родилась.
Есть Земля — ее колыбель, есть Земля — ее дом родной.
Мы баюкаем малыша под смертельной пеленой.
Знаю я: ни один волосок не падет с головы льняной.
Пусть мы держимся на волоске, пусть пожарище — шар земной...
В этом доме, где столько раз все снарядами разметено,
В доме, где по расчетам врага быть живых уже не должно,
Есть любви высочайший знак, есть грядущей жизни зерно.
Значит, все величие Земли в этом доме заключено!
Это наш последний рубеж. Это наш последний рудег.
Если этот дом упадет, значит, все дома упадут...
Спи малышка. Не верь войне. Люди ждут тебя! Очень ждут.
Будь спокойна: за этот порог никогда враги не пройдут!

Надо сказать, что публикация поэмы имела свое логическое продолжение, способствовавшее дальнейшей известности одной из ее героинь. Речь идет о том, что 1975 году Центральное телевидение СССР пригласило на «Голубой огонек» Зинаиду Селезеву, к тому времени закончившей «совсем не женский» факультет металлообрабатывающих инструментов Волгоградского политехнического института. На этой очень популярной в те годы передаче и познакомилась впервые молодая волгоградка с таджикским поэтом Каноатом, сумевшим стихотворными строчками проникновенно и точно отразить ее невольное участие в ратном подвиге защитников Сталинграда.

РОДСТВЕННИКИ ПО... «БОЕВОМУ» РОЖДЕНИЮ

Ни к чему не обязывающая встреча под прицелом телевизионных камер переросла в дружбу, благодаря чему автор обласканной критиками поэмы стал иногда приезжать в Волгоград, а потом на полтора десятка лет куда-то пропал. С тех пор никаких вестей о нем Зинаиде Петровне, к тому времени вышедшей на пенсию после 20 лет работы в системе Управления исполнения наказаний Минюста по Волгоградской области и дослужившей до звания капитана внутренней службы, не поступало. Вновь увиделись старые знакомые лишь много лет спустя в 2003 году, когда известный во всем мире таджикский поэт и дипломат Мумин Каноат приехал в Город-Герой на празднование 60-летия Победы советского народа в Сталинградской битве. Они встретились в актовом зале детско-юношеского центра Волгограда на заседании клуба интернациональной дружбы (КИД), куда его руководитель Ольга Безбородова пригласила «двух очень интересных людей», не ставя их в известность, с кем именно им предстоит общаться.

Надо сказать, что в тот раз именитый таджикский гость импозантной европейской внешности, 70-летие которого отметило ЮНЕСКО во многих странах мира, с непередаваемыми авторскими интонациями и чисто восточным изяществом продекламировал кидовцам свою поэму «Голоса Сталинграда». После этого его и собравшихся в зале подростков ожидал сюрприз, подготовленный Ольгой Сергеевной. Она представила участникам встречи под аплодисменты зрителей «малышку, которую бойцы баюкали под смертельной пеленой»... в лице бесменного председателя общественной организации «Дети военного Сталинграда» Центрального района Волгограда Зинаиды Селезневой (по мужу Андреевой). Встреча старых знакомых получилась очень трогательной и неожиданной для обеих сторон. Зинаида Петровна и Мумин Каноатович обнялись и расцеловались, как родные люди.

— Почему вы в последние годы не отвечали на мои письма, Мумин? — с ноткой упрека в голосе поинтересовалась волгоградка.

— Вы же знаете, уважаемая, в нашей стране шла небольшая война, и почта работала с большими перебоями, если работала вообще, — дипломатично ответил Каноат, имея в виду серьезный вооруженный конфликт между таджиками и турками-месхетинцами, неожиданно для многих вспыхнувший в этой мирной солнечной республике несколько лет назад. — Теперь у нас снова мир, и я обещаю, что больше никогда не потеряю вас из виду...

Надо сказать, что жизнь подарила моей новой знакомой, немало настоящих друзей и интересных встреч. Скажем, с тем же Робертом Рождественским, переведившим «Голоса Сталинграда» на русский язык. С прославленным командиром 13-й гвардейской дивизии Александром Родимцевым, бойцы которого обороняли дом Павлова и с которым она часто встречалась. Зинаиде Селезневой довелось даже побывать на малой родине «генерала-отваги», как называли именитого полководца все, с кем он прошел Испанию и Сталинград, с кем воевал на Курской дуге, освобождал Украину, Польшу, форсировал Одер и брал Дрезден и Прагу. До слез поразила в тот раз волгоградку ужасная подробность жизни мальчишки из бедной крестьянской семьи села Шарлык Оренбургской области. Оказываясь, довелось ему в юном возрасте увидеть то, что видеть просто нельзя: казаки-дутовцы на глазах у всех жителей села до смерти забили плетью его отца, и Сашка Родимцев остался в семье за старшего и был кормильцем, работая подмастерьем у сапожника. Сейчас там стоит памятник яркому полководцу, который беззаветно любил свое Отечество и прославил ратными подвигами своих земляков.

Особый разговор о знакомстве «дважды рожденной» в доме Павлова с директором японского мемориального Музея мира в Хиросиме Минуру Хитогути, появившемся на свет в тот день и час 1945 года, когда американцы сбросили атомную бомбу на его родной город. Житель Страны Восходящего Солнца посчитал своим мо-

ральным долгом по приезду в Волгоград встретиться со своей сталинградской «сестрой» по боевому рождению. Ведь волею судьбы японский мальчик и русская девочка из Сталинграда пережили самый настоящий ад уже в первые мгновения жизни, навеки породнившись этой бесчеловечно страшной общностью своей судьбы.

Не мудрено, что встреча руководительницы общественной организации «Дети военного Сталинграда» Зинаиды Селезневой и японского «хранителя истории» самых страшных страниц своей страны Минору Хитогучи началась в государственном музее-панораме «Сталинградская битва», расположенном рядом с историческим местом высадки 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерала Родимцева при форсировании Волги в сентябре 1942 года под ураганным огнем врага. Здесь японского гостя познакомили с грандиозной экспозицией, посвященной жесточайшей по накалу битве за Сталинград, своими масштабами превосходящей не только любые военные стандарты, но и затмевающей собой все литературные и кинематографические ужасы.

Особо сотрудники музея постарались донести до заморского коллеги информацию о том, что у Сталинграда в эти дни была своя «Хиросима», когда 23 августа 1942 он был подвергнут варварской бомбардировке сотнями самолетов 4-го воздушного флота Люфтваффе, которые стали методично сравнивать город с землей тяжелыми фугасными и зажигательными бомбами. Когда заканчивался боезапас у фашистских стервятников, они возобновляли его на полевых аэродромах и снова и снова бомбили жилые дома. Тогда немецкие бомбардировщики сделали более 2000 самолето-вылетов, превратив цветущий город в невообразимое скопище дымящихся развалин и полуразрушенных зданий.

Огромные столбы пламени взмывали к небу из района нефтехранилищ и обрушивали вниз море огня вместе с горьким, едким дымом. Поток горящих нефтепродуктов устремились к Волге, горела поверхность реки, горели пароходы на сталинградском рейде. В результате этих воздушных налетов, как свидетельствуют новейшие исторические исследования, в тот день в городе погибли не менее 71 тысячи мирных жителей и около 142 тысяч получили ранения, травмы, увечья и контузии. Замечу, в японском городе Хиросима в результате американской атомной бомбардировки в первый же день погибло, по приблизительным подсчетам, свыше 90 тысяч мирных жителей.

Надо полагать, Минору Хитогучи еще долго находился под сильнейшим впе-

Зинаида Селезнева в гостях у Тургуновых в Узбекистане

чтением от посещения музея-панорамы. Впрочем, это не помешало ему непринужденно общаться со своей «сталинградской» сестрой на борту теплохода, специально выделенного администрацией Города-Героя для его прогулки по Волге. И все это время переводчик из Москвы и местный переводчик без работы не оставались. Собеседникам надо было многое сказать друг другу, а главное, понять и осознать, что каждый из них может и должен сделать, чтобы нынешние и будущие ребята их стран никогда бы не испытали то, что в свое время пришлось пережить им в младенческом возрасте.

Надо сказать, что «военная» биография Зинаиды одно время даже призвала ее на службу... в кино. Да-да, я не оговорился. Узбекские киношники, снимавшие фильм о защитнике дома Павлова Камолджоне Тургунове, имеющем 16 детей и 28 внуков, и пригласили ее поучаствовать в документальных съемках о ратных делах бывшего бронейщика, после Сталинграда дошедшего дорогами войны до Харькова, а затем Магдебурга. Она согласилась, потому что уже давно поддерживала родственному теплые отношения с этим скромным, чрезвычайно доброжелательным пожилым узбеком, считавшим ее своей дочкой и писавшей ей не особенно грамотные с точки зрения грамматики русского языка, но такие дорогие ее сердцу письма: «Многоуважаемый дорогой мой дочка Заширохан (так он называл ее на узбекский манер. — *В.Ж.*), здравствуйте! Как в доме, как зять Юра, дочка Мариночка и внучка Катюша?..» В общем, по кинематографическому «призыву» Зинаиде Петровне довелось посмотреть на родной кишлак своего узбекского «отца» близ Намангана, где после войны Камолджон трудился в колхозе трактористом.

Невольно бросилось в глаза, как очень просто, если не сказать бедновато, живет герой войны со своей женой Машрабжан и большой семьей в незавидной хибаре с земляным полом. Сели ужинать на какое-то цветастое одеяло. Гостям подали свежиспеченные лепешки и прозрачный, похожий на мед, жир в пиалах. Не могло быть и речи размещать прибывших в хибарке Тургуновых из-за нехватки места, и потому поселили гостей в просторном красиво отделанном особняке местного директора завода сухофруктов, что называется, утопающего в дорогих коврах. Особый шик обители руководителя предприятия придавал бассейн во дворе дома, в котором операторы съемочной группы вылавливали сачками понравившуюся им рыбину. Как говорится, почувствуйте разницу в достатке двух узбекских семей, живущих неподалеку друг от друга! Между тем, Камолджон Тургунов никогда и никому не жаловался на материальные трудности, не бравировал своим фронтовым прошлым, довольствуясь малым.

Следует заметить, что вот эта природная скромность последнего из живших тогда защитников дома Павлова (Камолджон Тургунов умер в марте 2015 года на 94-м году жизни. — *В.Ж.*) присуща и его искреннему другу из Города-Героя Зинаиде Селезневой, с которой он долгие годы переписывался и неоднократно приезжал к ней в гости. Бывший работник Управления исполнения наказаний Минюста по Волгоградской области, ушедшая на пенсию в звании капитана, дорожит этой дружбой, рожденной в грозном 42-м. Через всю жизнь она пронесла память о защитниках дома Павлова, благодаря которым появилась на свет в самую жесточайшую годину. Душевно рассказывает о них, о героическом прошлом «города-ратника на берегу войны», встречаясь со своими юными друзьями-школьниками из Центрального района Волгограда.

Надо сказать, что доверительные, дружеские отношения Зинаида Петровна поддерживает и с дочерью командира 13-й стрелковой дивизии Натальей Александровной Матюхиной (по мужу), бережно, как драгоценный талисман храня написанную ею книгу «Мой отец — генерал Родимцев», с дарственной надписью автора. Ведь этот документально-литературный труд, повествует в том числе и о подвигах двух с половиной десятков бойцов дивизии, 58 дней и ночей защищавших Дом Павлова и крохотную «девочку из огня» — свою Зиночку.